

Н.В.Новикова

«ДВОРЯНСКИЕ ГНЁЗДА» В ПРОЗЕ В.РОПШИНА (Б.САВИНКОВА) 1908—1913 ГОДОВ (РЕТРОСПЕКЦИЯ И КОНТЕКСТ)

Автор обращается к сфере беллетристических произведений В.Ропшина (Б.Савинкова), которая под обозначенным углом зрения не освещалась. В повести «Конь бледный» и в романе «То, чего не было» усадебный мир предстаёт в роли, которую прежде не играл: нравственно-психологической и эстетической констант личностного основания героев — участников террора. Смертоносное поприще выходцев из «дворянских гнёзд» в соотнесении с благодатными истоками натуры выявляет трагичность их судеб.

Ключевые слова: Б.Савинков, повесть «Конь бледный», роман «То, чего не было», «дворянское гнездо», ретроспекция, контекст, герой-боевик, террор

«Дворянские гнёзда» как культурно-историческое явление и как классические образы русской литературы исследовательским вниманием не обделены¹. Художнически изобильное воплощение всех граней усадебной жизни периода её становления, расцвета и угасания — хрестоматийно известные страницы отечественных прозы, поэзии, драматургии. Чтобы только перечислить их, пришлось бы обратиться почти ко всему пантеону русской классики. Сошлёмся в первую очередь на Г.Державина, А.Пушкина, Н.Гоголя, И.Тургенева, И.Гончарова, С.Аксакова, Л.Толстого, Ф.Тютчева, Н.Некрасова, А.Толстого, А.Фета, М.Салтыкова-Щедрина, Ф.Достоевского, А.Островского, А.Чехова... Индивидуально-творческое постижение феномена наглядно отражает его уникальные и типологические особенности, литературно опосредованная картина впечатляюще передаёт его пространственно-временные изменения как приметы неумолимого движения общей жизни. Общеизвестно, что на рубеже веков, вследствие многих причин, усадьбы оскудевают, «гнёзда» пустеют, а в эпоху «невиданных мятежей» они ещё и запыляются. Необратимый процесс разрушения традиционных для России очагов культуры и хозяйствования воссоздаётся художниками начала XX столетия: И.Буниным, Ив.Вольновым, А.Толстым. Одновременно с ними своё слово о судьбе «дворянских гнёзд» произносит беллетрист, которого, на первый взгляд, меньше всего можно заподозрить в заинтересованности этой областью российского прошлого и настоящего, — В.Ропшин (Б.Савинков), автор повести «Конь бледный» (1908) и романа «То, чего не было» (1911—1913).

Начальным абзацем дневника, который ведёт главный герой «Коня бледного» — руководитель группы боевиков Жорж, приоткрывается драматическое противостояние в душе сеющего смерть человека. Содержание первой же — от 6 марта — зарисовки, её тон резко контрастирует с заглавием, эпиграфом из «Откровений Иоанна Богослова», «Первого послания Иоанна» и последующим известием о цели приезда — об убийстве губернатора: «Вчера вечером я приехал в N. Он всё тот же. Горят кресты на церквях, визжат по снегу полозья. По утрам мороз, узоры на окнах, в монастыре звонят к обедне. Я люблю этот город. Он мне родной» [1, с. 130]

² Вслед за разрушительным читателю передаётся созидательное чувство любовного притяжения мира, вызванного встречей с отчими местами. От детали, впоследствии ставшей центром притяжения во многих ропшинских пейзажах — от «сияющих куполов» (С. 153) — исходит энергетика духовного самостоянья. Однако через несколько дней после того, как проступило потаённое, герой делает поразительное признание: «Стараюсь забыть о прошедшем. У меня нет родины, нет имени, нет семьи» (С. 134). Видимое противоречие может означать бесконечный трагизм изломанной личности, обусловленный выбранным ею поприщем, и свидетельствовать тем самым о допрежней, не атрофировавшейся в злодеяниях, как это ни парадоксально звучит, нравственно-эстетической основе. Вёдомая герою, она становится важнейшей в построении его характера.

Читательская догадка о генетически усвоенных Жоржем качествах одухотворённой натуры незамедлительно подтверждается, сначала — диалогом с влюблённой в него соратницей, состоявшимся 8 марта. Вне всякого сомнения, Жорж — прирождённый поэт. Он предлагает Эрне посмотреть из окна гостиницы «на белую площадь», на «нетронутый снег». Женщина боится признаться в том, что её не трогает красота за окном. Жорж продолжает: «Я вчера был за городом. Там снег ещё чище. Он розовый. И синие тени

¹ Зингерман Б. Пространство в пьесах Чехова // Взаимосвязь искусств в художественном развитии России второй половины XIX века. М., 1982. С. 306-347; Стернин Г. Ю. Усадьба в поэтике русской культуры // Русская усадьба. Вып. 1(17). М.-Рыбинск, 1994. С. 46-51; Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.: Искусство-СПб, 1994. 558 с.; Он же. Роман А.С.Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Очерк дворянского быта онегинской поры // Лотман Ю.М. Пушкин. СПб, 1995. С. 490-541; Усадебный быт конца XIX — начала XX века в воспоминаниях современников // Источники по истории русской усадебной культуры. Ясная Поляна-Москва, 1997; Марасинова Е., Каждан Т.П. Культура русской усадьбы // Очерки русской культуры XIX века. М., 1998. С. 265-375; Врангель Н.Н. Старые усадьбы. СПб., 1999. 317 с.; Дворянские гнёзда России: История, культура, архитектура. М., 2000. 383 с.; Мир русской усадьбы. III Музейные научные чтения. Сборник материалов. Нижний Новгород: ДЕКОМ. 2007. 208 с.; Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретённый рай. М., 2008. 527 с.

² Далее произведения Б.Савинкова (В.Ропшина) цитируются по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

берёз», — и вновь Эрн не откликается. Ей не доводилось испытывать первозданной радости от того, что «ранней весной, когда на полях уже зеленеет трава и в лесу зацветает подснежник, по оврагам лежит ещё снег» (С. 131). Жорж не оставляет попыток разбудить воображение любящей женщины: «И странно: белый снег и белый цветок. Ты не видала? Нет? Ты не поняла? Нет?» (С. 131). В духовно-эстетической неразвитости Эрны сказалось, видимо, отсутствие той почвы, на которой выращено всё лучшее в душе Жоржа и которой он придаёт такую весомость. Не случайно же герой с пристрастием спрашивает: «Ты была когда-нибудь в русской деревне?» Надо полагать, деревенская природа, усадебная культура и довершили данное ему от рождения. Эрн же глуха к «очарованиям земли», это станет преградой между ней и возлюбленным. Их души не зазвучат в унисон.

В.Ропшин продолжает целенаправленно знакомить читателя с внутренней жизнью своего героя. В деятели радикальных убеждений, готовящем кровавую расправу, человеческое и утончённо творческое высвечиваются его отношением к миру, полюбившемуся, скорее всего, с детства. Возрадоваться раздолью сельской природы и проникнуться разлитой в ней гармонией можно, с ранних лет постигая усадебный космос. 2 июля, спустя «шесть недель» после неудавшегося покушения на губернатора, что повлекло за собой вынужденное бегство из города, Жорж записывает: «Я снова в Н. Это время я прожил в старой дворянской усадьбе. От белых ворот — лента дороги: зелёный большак с молодыми берёзками по краям. Справа и слева желтеют поля. Шепчет рожь, гнётся овёс махровой головкой. В полдень, в зной я ложусь на мягкую землю. Ратью стоят колосья, алеет мак. Пахнет кашкой, душистым горошком. Лениво тают облака. Лениво в облаках парит ястреб. Плавно взмахнёт крыльями и замрёт. С ним замрёт и весь мир: зной и чёрная точка вверх».

Я слежу за ним прилежным глазом. И мне приходит на память:

... Всю природу, как туман,
Дремота жаркая объемлет,
И сам теперь великий Пан
В пещере нимф спокойно дремлет.

А в городе едкая пыль и смрад. По пыльным улицам тащатся вереницы ломовиков. Тяжело грохочут колёса. Тяжело везут тяжёлые кони. Стучат пролётки. Ноют шарманки. Звонко звонят звонки конок. Ругань и крик. Я жду ночи. Ночью город уснёт, утихнет людская зыбь» (С. 171).

Проникновенная двусоставная тирада, на наш взгляд, возводится автором к целому ряду эталонных лирических откровений. Тёплый колорит неброской сельской природы, живописность и любование ей узнаваемы по непревзойдённым тургеневским полотнам, к примеру, — по зачину «Бежина луга» и «Деревне» из «*Senillia*»; крупный план и перспектива, панорамное и частное как лоно бытия, в котором можно «счастье <...> постигнуть на земле», — словно от лермонтовского «Когда волнуется желтеющая нива...» и Некрасовского «Рыцаря на час» [2]; парящая в высоте птица вновь отсылает к Некрасовскому стихотворению: лирический герой его «долго, долго <...> следил» за «ястребёнком», подспудно ощущая собственную скованность, несвободу; апогей умиротворённого настроения, сиюминутного духовного раскрепощения передаётся открытым текстом — строфой из тютчевского «Полдня»; дисгармония урбанистического бытия с её нещадной звуковой палитрой напоминает прочувствованную Н.Некрасовым «музыку злобы» («Надрывается сердце от муки»), лишающую «покою»: лирического героя влечёт «врачующий простор», где «всё в гармонию жизни слилось», где «прозревшему оку» ничего не мешает «насладиться <...> красотой» «матери-природы».

Созданное В.Ропшиным подобие стихотворения в прозе открывает вторую часть повести, тем самым подчёркивается его роль в сюжетно-композиционной структуре произведения. Совершенно очевидно, что усадебные окрестности для Жоржа — противовес всему, что связано с «делом», источник внутреннего равновесия, причастностью к «делу» и уничтоженного. Здесь — пристанище, спасающее от «балагана», кричащей и безразличной «улицы», от каждодневной охоты на жертву. Артистические способности души, востребованная ею земная красота оказываются оборотной стороной обострённого переживания пустоты, суёты, серости, «скуки», порождённых обывательской «каруселью» (С. 211), и неизбывного одиночества: «Я чужой в этом каменном городе, может быть, в целом мире» (С. 151). «Старая дворянская усадьба» в изображении В.Ропшина воспринимается нравственно-психологической и эстетической константами человеческого бытия, противостоящего иссушающему дыханию города и распадающему воздействию «революционной» идеи. Пребывание в усадьбе возвращает героя к истокам, позволяет ему ощутить животворящую гармонию всеприродной стихии.

Знаменательный фрагмент вновь обнажает в боевике художническую натуру. Созвучие его с классическими образцами усиливает впечатление о завидной наполненности человека, несущего погибель. Заповедный усадебный мир — живое начало души героя, скрытое от стороннего глаза. Показывая Жоржа с этой стороны, автор побуждает читателя проникнуться тягостным чувством раздвоенности беспощадного руководителя боевиков. Его ностальгически звучащим монологом оттеняется тупиковость идеи так называемого революционного насилия, которое и является существом деятельности ропшинского героя. Читатель понимает, что, будучи носителем зла, Жорж не является его порождением [3]. Рискиём предположить, что его готовности «лгать, шпионить и убивать» (С. 197) «во имя идеи» (С. 207) предшествовала сокрушительная борьба с самим собой, с изначально присущими душе «невинной» любовью к людям, «радостной» любовью к жизни (С. 213). Вечные ценности, в чём не может не убедиться читатель, в герое под корень не истреблены. Гуманное и творческое существуют в нём как будто отдельно от того, что имеет

отношение к смертоносному. Перед нами два абсолютно несхожих человека, внешний и внутренний, выжженная пустыня и оазис. Несмотря на поругание, душа чудом сохранилась под личиной непреклонного, не знающего жалости боевика. Присвоенная Жоржем радикальная идея бумерангом ударила по нему самому, разрушительные последствия чего, как всем ходом повествования показывает писатель — сам недавний террорист, в высшей степени драматичны и необратимы.

В сходном ключе и в том же соотношении осмысливаются судьбы главных героев романа «То, чего не было» — трёх братьев Болотовых, Миши, Андрея и Александра. Они, выходцы из дворянской среды, разными путями устремившись в нелегальную работу, один за другим трагически погибли в её пучине. Выросли братья в отцовском имении Болотово, в Орловской губернии. В «старой дворянской усадьбе», в «господском с красной крышей и александровскими колоннами доме» (С. 228) их окружала атмосфера уюта, покоя, тепла, родительской заботы и любви. «Мысль семейная», многокрасочно воплощённая в русском классическом романе, оживает в описаниях высоких комнат «с коврами по стенам и семейными портретами в позолоченных рамах» (С. 249), «любимого мягкого с резной спинкой кресла отца» (С. 303). Приметы веками сложившейся добропорядочности — в абрисных портретах души родителей — Николая Степановича и Татьяны Михайловны. Автор стремится передать психологическое состояние их, хранителей родовых традиций, надеющихся увидеть своё продолжение в детях. Рядом с родителями — дочь, нежная, женственная, напоминающая тургеневскую девушку: «Наташе было семнадцать лет. У неё были голубые глаза, почти льняные белокурые волосы и длинные, узкие руки» (С. 245). Ей будет предоставлена особая роль — спасти души братьев и скорбеть за них, стать опорой родителям, теряющим сыновей.

Столь же традиционно изображаются усадебный уклад, отношения между господами и дворовыми. Без этого картина поместной жизни была бы неполной. По немногочисленным штрихам видно, что помещик Болотов относится к крестьянскому люду без спеси и не самоуправно, а в присущем ему духе благородства. Любопытная деталь проливает свет на существо болотовского управления хозяйством. В романе воспроизводится сцена разговора Николая Степановича с управляющим, случайным свидетелем которой становится приехавший в родной дом на каникулы Миша. Он застаёт отца и «с детства знакомого управляющего Алексея Антоновича» в «полутёмных сырых сенях». Первый стоит, по-домашнему «пыхтя папиросой», второй представляет собой фигуру, пожалуй, более барствленную, чем «его превосходительство»: стоит, «наклонив набок лысую голову, выставив огромный живот и заложив за спину пухлые руки». Зная своё место и в то же время зная себе цену, Алексей Антонович «слушал барина с едва уловимой улыбкой и изредка вставлял короткие, как будто случайные замечания» (С. 302). Речь шла о продаже Курбатовской рощи. Барин говорил «сердась», видимо, не владея всеми тонкостями задуманной торговой операции, но стараясь быть рачительным хозяином, управляющий — с лёгким оттенком снисхождения и почти незаметной иронии, безуспешно пытаясь внести ясность. В итоге владелец рощи поручает управляющему передать покупателю, что «генерал не согласен». Управляющий резонно отвечает: «Сказать можно-с... Отчего не сказать?.. Да только...» (С. 302). Ясно, что барин несколько обольщается на собственный счёт, относительно действительного веса в решении хозяйственных вопросов. Однако безбедность и стабильность господской жизни обеспечиваются. Правда, деревня как таковая и то, чем дышит крестьянский мир, в романе не прорисовываются, поскольку помещичьи дети, через восприятие которых ведётся повествование, в прямом смысле наблюдают за ним с расстояния: деревня Новые Выселки находится от усадьбы «за узкой, поросшей лозняком речкой» (С. 228).

Никакого расслоения между дворовым окружением и помещиками Болотовыми не видно, но связи их патриархальной идиллией не назовёшь. Скорее, они сложились по разумным законам человеческого общежития, «по-человечьи, по-божьи», как говаривал толстовский Фоканыч. Этим и объясняется прочность и сердечность таких отношений, соответственно — незыблемость домашних установлений, привычек, традиций. Обычай, которого придерживался Николай Степанович в ведении помещичьего хозяйства, в обхождении с людьми мужицкого сословия, воспринят детьми. Пример отца, нравственная культура его обиходных правил — в непосредственности поведения самого младшего из них, Миши, для которого кучер Тихон, горничные Лукерья и Даша, ключница Маланья Петровна — люди близкие. И они платят хозяевам добром, что особенно дорого будет в череде страшных испытаний.

Заведённый в этих стенах порядок не изменился, даже когда разразилась русско-японская война и в покинутое братьями родовое гнездо начали проникать «тревожные вести» с фронта (С. 247). Не менее тревожные известия поступают и из российских «градов и весей» — «об убийствах, расстрелах, забастовках, крестьянских волнениях, о заговорщицкой партии, о военных судах и бомбах» (С. 247). У главы семейства, «отставного генерала», «человека твёрдых правил» (С. 247), нарастает ощущение того, что «"отечество" в опасности» (С. 245), но в болотовском доме всё остаётся по-прежнему: «собираются в бильярдной», которая «выходила в сад, и старые липы, посаженные дедом Николая Степановича, трепетали зелёными ветками и бились об окна клейкими листьями» (С. 249); ухаживают за «грядками петуний, вербены, резеды и левкоев — любимым цветником Николая Степановича» (С. 251). От дома, от сада, от обступающей Болотово со всех сторон деревенской природы веет особой поэзией. Здесь привыкли жить несуетно, спешно, не греша против совести. Болотовский «рай» наполнен тихим счастьем и милой сердцу красотой. С наступлением тревожной поры становится ясно, что размеренному течению жизни в нём угрожает беда. Надвигается она, действительно, откуда не ждали. Духовно-нравственная укоренённость, унаследованная от многих поколений предков, прочность быта могут быть в одночасье разрушены, причём, как оказывается, взрослеющими отпрысками этих почтенных семейств.

Ёмким художническим тезисом развёрнутой в романе картины добросердечного обустройства болотовского «гнезда» воспринимается воспоминание о детстве, опозитизированное Жоржем. Он приберёт его, как оказалось, для самого тяжёлого момента своей жизни, круг которой замкнулся. Пройдя через кровь «во имя революции» и «для себя», разочаровавшись в индивидуалистическом «праве» на убийство, потеряв товарищей и веру в «дело», он интуитивно ищет почвы под ногами: «В детстве я видел солнце. Оно слепило меня, жгло лучистым сиянием. В детстве я знал любовь, материнскую ласку» (С. 213). На конечную точку жизненного пути героя падает свет из отправной. Разительный их контраст усиливает ощущение гибельности судьбы, подчинённой ложной идее. Надо полагать, прежде всего эту гибельность и хотел показать автор.

Жанровые возможности романа «То, чего не было» позволяют многомерно, в притягательных подробностях, воссоздать благословенное пространство, в котором росли братья Болотовы и от которого они, каждый в свой черёд, ушли. На фоне этого живоносного окружения В.Ропшин и разворачивает их судьбы, в конечном счёте с ним и соотносит, особенно выделяя при этом Мишино короткое пребывание в родном «гнезде». Именно Миша, единственный из сыновей помещиков Болотовых, под пристальным взглядом автора лирически ощущает и земную прелесть, и привязанность к родителям, к усадебному миру, к сельскому простору. В том, как самый младший из семьи постигает прекрасное в обыденном, можно различить эмоционально-психологическую основу характеров его старших братьев. Часть Мишиной истории жизни, воочию наблюдаемая читателем, воссоздаёт недостающие звенья жизнеописаний Андрея и Александра, проецируется на внутренний мир братьев, приоткрывает подспудный пласт души каждого из них, становится предысторией их характеров и судеб, поскольку календарное время романа не позволяет показать их нравственное становление. Автор даёт почувствовать эмоционально-духовную одноприродность дворянских сыновей Болотовых, выросших в одних и тех же условиях: в отцовском поместье, в желанном окружении семьи и двора, на лоне природы.

Весь текст, посвящённый Мише, рисует его облик трогательным, ласковым, нежным. Автор передаёт благородство Мишиных намерений. Поэтический ореол юного героя романа создаётся не столько его героическим рывком, сколько тем миром, который был для Миши знакомым, родным, дорогим. Писателю удаются эти страницы, в чём, несомненно, играет роль автобиографический фактор. Истоки «природолюбия» Миши — в самой гармонии усадебного пространства. С детской открытостью любящего сыновнего сердца радуется Миша долгожданной встрече с родными: «Когда тройка миновала ворота с потрескавшимися каменными львами <...> он не выдержал, выпрыгнул из коляски и, перегоня её, бегом побежал к отцу», который «стоял на высоком выбеленном крыльце и, заслоняясь морщинистой рукой от солнца, смотрел на липовую аллею» (С. 244). Вслед за этим мы видим, «как его сзади обняли чьи-то руки, и Наташа, сестра, звонко поцеловала его. Из сеней слышались лёгкие женские шаги, и Миша ещё не увидел, но уже почувствовал, что вошла его мать» (С. 244). В пластике этой сцены значим каждый штрих. Читателю передаётся та сердечность отношений с родными, которая делает Мишу бесконечно счастливым. Счастье — доминирующее состояние героя, главенствующий мотив связанных с ним эпизодов усадебной жизни, в которую он с наслаждением окунается.

Писатель показывает, как рвётся Миша домой из «каменного города», после «опостылевших экзаменов», с каким «весёлым нетерпением, <...> с любовью» смотрит из окна вагона «на приветливые, с детства знакомые места» (С. 242). Заметим, что в первой же зарисовке природы, среди которой герой рос, есть неотъемлемая часть сельской вселенной: «За Можаровским лесом блеснул золочённый крест — Свято-Троицкий монастырь» (С. 242). Такое естественное на необозримых российских просторах сочетание, о многом говорящее чуткому сердцу, нельзя не расценивать как ключевую деталь в характеристике героя, как знак устойчивости в нём нравственных традиций. Вспомним о том, что природа и вера, с их одухотворённой красотой и подлинностью, земное, освящённое возвышенным, святым, предстают как единое целое в описаниях природы на страницах дневника Жоржа.

Миша с ребяческим восторгом откликается на улыбку кучера Тихона, встретившего его на станции. Юноше «казалось, что улыбается не только Тихон, — улыбается и горячее солнце, и махровый, колосистый, поросший пыльной овёс, и бело-лиловые, тончайшего шёлка берёзы» (С. 242). Глубокий философский смысл кроется в Мишином чувстве природы. Юноша тонко ощущает её живописность, даже не подозревая, что красота природы рождает в нём художника. В.Ропшину удаётся подчеркнуть, что такое гармоническое слияние с миром возможно только здесь, в деревне, на вольном просторе. Писатель словно растворяется в герое, который ощущает, как «всюду, сколько хватал зоркий глаз, колыхалась, волнуясь, зыбкая, жёлтая, ещё неспелая рожь — необозримое море русских, склонённых долу хлебов» (С. 243).

На волне приподнятого чувства Миша даже не сразу задаётся вопросом, «почему мама в чёрном» (С. 245). Его эмоции пока — в другом регистре. Сначала Мише «надо было всё заново осмотреть, поздороваться с каждым деревом, с каждым камнем, с каждой тенистой аллеей» (С. 244). Он радуется тому, что «на дворе и в саду всё было по-старому». Писатель не скупится на подробности и, по всей видимости, знает в них толк. Он перечисляет их не спеша, создавая эффект зримого присутствия. Мы видим, как Мишу узнали собаки и по-своему выказали ему свою радость, а до этого — гнедая Голубка, здороваясь с которой, он «шептал ласковые слова», «обнимая её и прислоняясь щекой к её тёплой, с тонкими жилами морде» (С. 243). Автор подмечает в герое живое любопытство. Примелькавшиеся лица, подчёркнутая повторяемость и кажущееся однообразие впечатлений внушают ему отнюдь не скуку, а желанное ощущение узнаваемости, неизменности того мира, в

который он вернулся: «Те же горничные <...> поклонились ему. Та же ключница Маланья Петровна, в том же синем платке, прошла на погреб за смородиновой водой. И так же буйно зарастали дорожки репейником, дикой коноплей и крапивой. И так же пышно распускалась сирень. И так же вкусен был зелёный крыжовник. И так же мирно в конюшню кони жевали овёс» (С. 244).

В описании немудрящих, на взгляд постороннего человека, реалий усадьбы жизни чувствуются музыкальный ритм и образность стихотворения в прозе. Оно по справедливости оказывается квинтэссенцией притягательности незамысловатой жизни, камертоном, с помощью которого настроена рождённая в этом пространстве душа. Интересно то, что Миша поглощён поэзией прозы и передаёт своё восприятие совершенно органично, без натяжки и ложного пафоса. При этом лирическая конкретика воспринятого им достигает некоего обобщения. Показательно и то, что увиденное в саду, на хозяйственном дворе ничуть не противопоставлено парадно-торжественной стороне «обустройства» дворянских гнёзд — «семейным портретам в золочёных рамках». По В.Ропшину, одно неотъемлемо от другого. Суть не в том, что первично в вопросе, «с чего начинается Родина» для Миши: с памяти о предках или с вдохновенного постижения подробностей и общего хода жизни в границах усадьбы и её окрестностей. Важно, что то и другое живёт в его душе и становится сердцевинной характеристикой.

Миша, сознанием которого начинают овладевать витающие в воздухе идеи, пытается щадить и отца, и мать, не открываясь им в своей «любви к партии». В то, что он «хочет послужить народу и революции» (С. 251), посвящена только Наташа. Но он чувствует «по покорно-грустным глазам и, главное, по тому, как печально молчала мать, <...> что она понимает его и что слова здесь бессильны». После её вопроса: «А о нас ты, Миша, подумал?» — сын не выдерживает и, «чтобы скрыть малодушные, как он думал, слёзы» (С. 251), закрывает лицо руками и выбегает в сад. Отправляясь в Петербург, он покидает Болотово с грустью. Перед тем как в последний раз переступить порог родительского дома, героя вновь охватывает нежелание покидать его. Большого труда стоит ему справиться с волнением. Четырежды звучит прощание в юношески светлой Мишиной душе: «Когда перед дорогой все, по обычаю, присели на стулья, и Миша в последний раз увидел косынку матери и заплаканное лицо, голубые глаза Наташи, старческий румянец отца, почерневшие, по стенам, портреты и турецкие пуховые, обитые клетчатой материей диваны; когда он в последний раз услышал ворчливый и любящий голос Николая Степановича, убеждавший не “якшаться с волосатиками и усердно учиться, чтобы потом честно послужить родине”; когда он поймал беглые, полные затаённой тревоги взгляды сестры, — ему опять стало жаль, что он уезжает. Стало жаль расставаться с тем, что так долго казалось докукой: и с матерью, и с Наташей, и с садом, и с рощей, и с речкой, и с конюшней, и со всей бесхитростной деревенской жизнью. Стало жаль старого, огорчённого и растерянного отца и безответную, без ропота покорную мать» (С. 304).

Перед нами — прежний, узнаваемый Миша с его гуманнымприятием жизни, с его чистотой, нежностью и переполнявшей его любовью к самым близким и ко всему живому. Его душевные движения искренни, неподдельны. И читатель не обманывается в своих ожиданиях: у Миши «на секунду мелькнула мысль, что он задумал неправдивое и недоброе дело и что его никто не ждёт в Петербурге». «Но эта мысль, — проследживает автор переход к противоестественному для героя выбору, — сейчас же угасла. “Если я социалист и революционер, — сказал он себе, уверенный, что он действительно революционер и социалист, — то я не вправе жалеть: мой долг смело, без сожаления отдать свою жизнь”» (С. 304-305). Горькая улыбка авторского комментария вызвана конфликтом, который возник в Мишиной душе между любовью к родителям и любовью к брату-революционеру.

В.Ропшин бережно описывает состояние родителей, расстающихся с сыном: «Татьяна Михайловна обняла трясущимися руками его кудрявую голову и долго, не отрываясь, смотрела в его юношеские глаза. Потом, подняв руку, быстро закрестила его. Николай Степанович отвернулся и, всхлипнув, с дрожью в голосе сказал: «Ну, прощай, Михаил!.. Дай Бог в добрый час... Не навеки прощаемся...» (С. 305). Разделяют общее настроение и другие обитатели усадьбы: «Тихон <...> прямо, как палка, сидел на козлах. Горничная Даша, подоткнув подол ситцевой юбки и старательно <...> обходя лужи, подошла к тарантасу и застегнула кожаный фартук» (С. 305). Все были преисполнены грусти, словно чувствовали, что прощались действительно «навсегда».

Композиционно мотивированным является описание обратной дороги: «Замелькали болотца, вёрсты, перелески и чёрные распаханые поля. Свернули на Орловский большак и въехали в побуревший Можаровский лес» (С. 305). Если в начале лета Миша оставлял позади «гимназическую страду» и докучливый город (С. 242), то теперь — ставшие «докукой» (С. 304) стихию деревенской жизни и родительскую любовь: «Скрылась Болотовская усадьба. И как только она скрылась вдали, Миша с легкомыслием юности забыл о тех, кого он оставил <...> И когда тройка остановилась у Мятлевской станции, ему уже никого и ничего не было жаль» (С. 305). Притяжение дома, несколько месяцев назад с этой же точки нараставшее, ослабляется на глазах: Миша «с облегчением вздохнул и беззаботно стал думать о том, что он — студент и независимый человек» (С. 305). Его манило то, что впереди, — неизвестное и необычайное. Миша устремлён в Петербург, потому что надеется встретить там Андрюшу, который, не ведая того, отрывает юношу от заботливой родительской опеки, от дорогих мест и памятных вещей.

Миша, чистый, восторженный юноша, мечтающий «работать в боевом деле» (С. 308), привлечённый романтикой подвига, самоотдания, рвётся в бой и гибнет, безымянный, на баррикадах: «Забывая, что у него нет оружия и что дружинникам он — чужой, помня только, что перед ним боевое, красное знамя, он бросился по

переулку вперёд <...> не умея понять, почему они отступают, не зная сам, что он будет делать, зная только, что баррикада остаётся за войсками, он звенящим голосом крикнул: «Вперёд!.. За землю и волю!..» — и, не переставая кричать, побежал навстречу дружине. <...> Со стороны Сретенки затрещало несколько выстрелов. Один из бегущих обернулся назад. Он увидел, что на расстрелянной баррикаде, на её разбитом валу, свесив руки, навзничь лежит румяный студент, без шапки. Лицо студента было поднято вверх, и открытые голубые глаза пристально и чуть-чуть удивлённо смотрели в небо... Дружинник, не пытаясь узнать, кто этот убитый чужой, поспешно завернул за угол и стал догонять дружину» (С. 315).

История гибели Миши, может быть, — самая разоблачительная страница романа В.Ропшина о терроре и террористах. Его история — особенно впечатляющая под пером романиста история жертвы. Образ Миши — художественный документ, нагляднее всего свидетельствующий о жестокости террористической идеи, «исступлённого братоубийственного боя» (421), который «не прекращался» и в котором с обеих сторон «потоками лилась кровь». В.Ропшин описывает, как в Болотове встретили страшное известие о гибели сына, как Николай Степанович «заперся в своём кабинете, не ел, не спал и не выходил трое суток», как Наташа, «удерживая рыдания, перебегала на цыпочках от кабинета отца к спальне матери: Татьяна Михайловна плакала целые ночи и седая, старая, в несколько часов одряхлевшая <...> не вставая с колен, молилась перед озарёнными лампадой образами» (С. 407). Угнетённая атмосфера передалась дворовым, и управляющий, Алексей Антонович, «приходил, снимал шапку, шёпотом спрашивал о здоровье, с сокрушением вздыхал». Жизнь в болотовском доме «расстроилась и затихла», потянулись в нём «хмурые и печальные, хромоногие дни» (С. 408).

Рана оказалась настолько глубокой, что даже возвращение Александра из японского плена, хотя и «оживило мёртвый дом, но не заставило забыть о семейном горе» (С. 408). «С материнским вниманием» разглядывая старшего сына, Татьяна Михайловна «забывала, что это он, Александр. Ей казалось, что она видит восемнадцатилетнего Мишу, своего румяного, голубоглазого, неизменно весёлого и беспричинно счастливого мальчика. Она поспешно вставала с дивана и неровной походкой, покачиваясь и избегая смотреть на Наташу, уходила в полутёмную, пропахшую лекарствами спальню и по-старушечьи тяжко била поклоны, шептала молитвы и потом не могла уснуть долгую ночь» (С. 408). Горе согнуло Татьяну Михайловну, спина её «сгорбилась», голова поседела. Николай Степанович «стал раздражительнее и резче». Волнение и горячность отца проявлялись уже в том, как он «подробно расспрашивал сына о Рождественском, об эскадре, о японцах и о Цусимском бое». Но чаще он с возрастающим недовольством «бранил начальство, бранил революционеров» (С. 408). Как и при Мише, Николай Степанович «начинал длинно и горячо говорить об “изменниках”, “волосатиках”, о непочтительных сыновьях, о том, что люди теперь пошли новые, что они не любят отечества, не повинуются власти, не молятся Богу и что надо положить революции конец» (С. 409). За подтверждение правоты этих суровых обвинений отец заплатил жизнью младшего сына, поэтому его настораживает «загадочное молчание» Александра, «офицера российского флота», «защитника отечества». Николай Степанович, «раздражённо» хрипя, призывает сына к ответу: «Может быть, тебе всё равно?.. Пусть гибнет Россия... Пускай Мишу, — Николай Степанович всхлипнул опять, — пускай Мишу... Это как? Кто же виноват в этом?» (С. 409). Он убеждён, что в сложившейся ситуации двух мнений быть не может и что сын, которого он ставил в пример Мише, разделит его боль и за Россию, и за гибель младшего брата.

Рассказ о короткой жизни Миши раскрывает трагическую вину Андрея за его гибель. Мишиной истории придаётся особое значение ещё и потому, что она, по сути, — проекция на морально-идейное становление старших братьев, на причины прихода в партию любимого Мишей Андрея. По всей видимости, чувство справедливости и готовность жертвовать собой за благополучие других, присущие младшему Болотову, в своё время побудили Андрея сделать решительный шаг. Он, ставший фактически профессиональным революционером, одним из руководителей движения, в конце концов будет схвачен, брошен в тюрьму и вскоре казнён. Незадолго до гибели ему доведётся пережить всколыхнувшие душу эмоции, связанные с памятью о доме — самом чистом и потому самом уязвимом месте в душе революционного деятеля. Память оживает благодаря «кудрявому, бледно-фиолетовому колокольчику», что вырос «наверху, у самого края» (С. 412) бастионной стены, видной из-за решётки.

Автор находит простую и запоминающуюся художественную деталь, органично передающую тоску по утраченному: цветок олицетворяет гармонию, носителем которой был для него усадебно-домашний мир. Образной детали хватает для того, чтобы приоткрыть тонкую лирическую натуру Андрея и под занавес одним штрихом оценить степень трагического разлада в его душе. Между коренными задатками героя и тем, что выработалось в нём под влиянием фанатической веры в радикальность борьбы с царящим в отечестве злом, — бездна. Это обостряет ощущение трагизма его судьбы. Глаза Андрея ищут цветок, как привет с родины. «Одиноким полевым колокольчиком» (С. 413), который «трепетал прозрачными лепестками» (С. 417), помогает политическому узнику выстоять в тюремном кошмаре, потому что он — хрупкая нить, связывающая с покинутым миром, дорожке которого, как выясняется, за всю жизнь не было ничего. Перед этим знакомым с детства цветком Андрей ощущает молитвенное состояние души, перед ним героя охватывает прощальное чувство любви к родным и захлёстывает ответная волна их преданной любви. «“Колокольчик... А у нас в усадьбе много цветов”, — вспомнил Болотов, и сильно забило сердце. Захотелось хоть на минуту увидеть отца, и мать, и сестру, и спокойные, молочно-голубые глаза Александра. “Саша... Где Саша?.. Мама говорит, что здесь, в Петербурге, и целует меня... Саша целует меня?” — прошептал он, чувствуя, что сейчас хлынут

слёзы» (С. 417). Настоящие переживания героя, полные душевной силы и неподдельного страдания, вызваны тем, что истинно дорого, что связано с усадебно-семейным кругом.

В своей трагической судьбе Андрей постиг истину. Он жестоко ошибся, но на его счету — заблуждения старшего и младшего братьев, неискупаемый грех их смерти, страдания родителей. То, как показывает автор разные характеры братьев и уклад жизни в родительском доме, побуждает читателя вспомнить хорошо известные картины и образы. Самыми проникновенными страницами ропшинский роман соприкасается с русским «семейным» романом, прежде всего — с толстовским. Действительно, начало 1910-х годов прошло под знаком Л.Толстого, но этот непреложный факт, скорее, активизировал читательские ассоциации, ориентировал в распознавании характеров, созданных современным писателем, побуждал критиков не упустить из виду классическую составляющую нового романа. Автор же, судя по всему, был равнодушным читателем Л.Толстого давно. Избирательный интерес к художественному наследию классика (и современника!) он проявил, когда сам взялся за крупный жанр. Вольная или невольная ропшинская претензия на сопоставление романа «То, чего не было» с «Войной и миром» — помимо целого ряда системных жанрово-типологических составляющих — в воссоздании атмосферы семьи Болотовых, отца и матери четырёх детей. В читательском воображении это, по всей видимости, воскресит полюбившееся семейство Ростовых, в Мише без труда будет узнан Петя Ростов. Строй усадебной жизни у В.Ропшина аккумулирует воспринятое не только из эпоса, но и из других произведений Л.Толстого, к примеру, из «Анны Карениной».

Подчеркнём: эту сторону ропшинского романа нельзя не признать художнически состоятельной, что, по всей видимости, объясняется намерением преемника возложить на неё концептуально значимую роль критерия оценки. Фон «дворянского гнезда» позволяет максимально убедительно высказаться о губительности пути превосходных молодых людей, которая, по убеждению писателя, предопределяется отрывом от корней. Связь с домом обнаруживает в них сильные личностные качества и тем самым выгодно отличает их от товарищей по нелегальной работе. Но взаимное непонимание отца, приверженца власти, и сыновей, идущих наперекор устоявшемуся, непреодолимо. Братья Болотовы платят жизнями за отказ от безусловных ценностей бытия, за усвоенную со стороны потребность «переворотить» жизнь по-новому.

Поддавая в себе созидательное начало, идущее от родословной, мечтая о масштабном переустройстве жизни, которое для великой державы обернётся распадом, разором, расчеловечением, три брата принесли в жертву не только себя, но и близких. Автор возвращается в Болотово и показывает фатально наступающее запустение, неминуемое разрушение «гнезда» после гибели каждого из сыновей. После смерти Андрея с Николаем Степановичем «случился удар. Более года он не поднимался с кровати. Его полное, ещё недавно крепкое тело высохло и застыло, и бескровные губы напрасно силились что-то сказать. <...> Старуха Татьяна Михайловна с трудом пережила нежданное горе. Ей казалось, что Бог покинул её» (С. 501). Мать догадывалась, что и Александр «пошёл по той же дороге, на которой погибли Михаил и Андрей. Она хотела верить, что это не так, <...> что покорный и любящий сын пощадит её старость и умирающего отца» (С. 502). Но этому не суждено было случиться. С ними рядом осталась только Наташа, «молчаливая, строгая, с длинными косами льняных, белокурых волос и такими же, как у братьев, голубыми глазами» (С. 501). Поднимаясь над схваткой, писатель превыше всего ценит благодатное начало родительской любви, скрепляющей «гнездо». Скорбная участь отцов и матерей — никем не учтённая плата за движение молодого поколения в фарватере радикальных идей. Необратимые последствия расколовшей Россию борьбы налицо: «Не было прежней дружной семьи, с тремя сыновьями: румяным Мишей, стройным Андрюшей и широкоплечим, приземистым Сашей. Было разорённое, развееванное бурей гнездо» (С. 502).

Печальное угасание отца и матери Болотовых, безрадостная участь Наташи, уничтожение родового «гнезда», наконец, — прекращение рода — вот каков обозримый итог тех устремлений, которым следовали братья, покинув дом и восплавав идеей социальной справедливости. Губительные перемены в далёкой от политики семейной сфере, в «дворянском гнезде» как средоточии жизни оказываются самым прискорбным аргументом против умышленного истребления человека человеком, какими бы целями оно ни оправдывалось. Таким образом, показывая террор как революционное насилие, В. Ропшин концентрирует внимание на изображении трагических следствий его, прямых и неотвратимых. Всем ходом романа о терроре и террористах автор ведёт читателя к общепонятным, с нравственной точки зрения, выводам. В романе последовательно фиксируется чреватая бедой разобщённость отнюдь не узкого, камерного характера — она встряхнула всю Россию. В пределах одной семьи — зеркальное отражение того противостояния, в котором оказалось русское общество в начале XX века. Внутрисемейным укладом, взаимоотношениями поколений, затронутыми с самого начала повествования, судьбы героев включены в большую историческую панораму.

1. Савинков Б.В. (В.Ропшин). То, чего не было: Роман, повести, рассказы, очерки, стихотворения / Вступ. ст., сост., примеч. Д.А.Жукова. М.: Современник, 1992. 720 с.
2. Новикова Н.В. Курсовая работа по истории русской литературы: учеб.-метод. пособие. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1998. С. 15-34.
3. Новикова Н.В. Повесть В.Ропшина «Конь бледный». Идеологическая парадигма и библейская ретроспекция // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2008. № 4. С. 147-155.

References

1. Savinkov B.V. (V.Ropshin). To, chego ne bylo: Roman, povesti, rasskazy, ocherki, [Something that did not exist]. Moscow, 1992. 720 p.
2. Novikova N.V. Kursovaya rabota po istorii russkoy literatury: ucheb.-metod. Posobie [Course paper on the history of Russian literature: a study guide]. Saratov, 1998, pp. 15-34.
3. Novikova N.V. Povest' V.Ropshina "Kon' blednyy". Ideologicheskaya paradigma i bibleyskaya retrospektiya [The story by V. Ropshin "The pale horse". Ideological paradigm and biblical retrospection]. Vestnik MGOU, seriya "Russkaya filologiya", 2008, no. 4, pp. 147-155.

Novikova N.V. "The Noble Nest" in the prose of V.Ropshin (B.Savinkov) (1908—1913): flashback and context. The article explores the works by V.Ropshin (B.Savinkov) — "The Pale Horse" and "Something that did not exist" devoted to the theme of revolutionary violence and the terrorism closely tied to it.

Keywords: B.Savinkov, the short story "The Pale Horse", the novel "Something that did not exist", "The Noble Nests", retrospective review, context, the hero-fighter, terrorism.

Сведения об авторе. Н.В.Новикова — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Институт филологии и журналистики Саратовского государственного университета им. Н.Г.Чернышевского; novikovanv@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.10.2018.